

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ФЕОДОРА МЕТОХИТА О СУДЬБЕ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Невзорова М.В.¹

¹ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», Новосибирск, Россия (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2), e-mail: nanarika@mail.ru

Статья посвящена выявлению значения образа судьбы (τύχη) в творчестве византийского философа XIV в. Феодора Метохита. Проанализировав количество глав о судьбе и место, которое они занимают в тексте «Памятных и примечательных заметок» Метохита, автор приходит к выводу, что «судьба» является одним из ключевых понятий в мировоззрении Феодора Метохита, что достаточно ново для византийской философии, как правило, тесно связанной с богословием. В то же время, контекст, в котором Метохит употребляет это понятие, указывает на то, что τύχη – не что иное как персонификация изменчивости материального мира, представление о которой существовало в византийском богословии начиная с IV века. Действительно необычным применительно к представлению Метохита о судьбе является лишь количество внимания, которое он уделяет этому феномену, что свидетельствует об определенных изменениях в мироощущении византийской элиты XIV века по сравнению с предшествующим периодом.

Ключевые слова: Феодор Метохит, Византийская империя, палеологовское возрождение, философия, мировоззрение, судьба.

THEODORE METOCHITES' CONCEPTION OF FATE AND ITS SIGNIFICANCE IN BYZANTINE CULTURE

Nezvorova M.V.¹

¹Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia (630090, Novosibirsk, street Pirogova, 2), e-mail: nanarika@mail.ru

The article is concentrated to revealing of meaning of the fate concept in the *Semeioseis gnomikai* by Theodore Metochites, byzantine philosopher of the XIV century. Having analyzed the amount of the chapters devoted to fate and the place they take in the whole composition, the author concludes that “fate” is one of the key concepts of Metochites' world outlook, which is reasonably uncommon for byzantine philosophy, closely connected to theology. At the same time the context, in which Metochites puts this concept, shows that his τύχη is nothing but personification of inconstancy of material world, the notion of which existed in byzantine theology since IV century. As to the Metochites' conception of fate, actually uncommon for byzantine philosophy is the great attention that he pays to this phenomenon. This fact is the evidence of certain changes in the world outlook of the XIV century's byzantine elite in comparison to those of the preceding period.

Keywords: Theodore Metochites, Byzantine Empire, palaeologan renaissance, philosophy, world outlook, fate.

Изучение культурной атмосферы и особенностей того или иного периода немислимо без понимания мировоззрения людей, живших в этот период и оказавших влияние на современную им культуру. Для периода первых Палеологов в Византийской империи одним из таких деятелей стал Феодор Метохит (1270-1332) – человек многосторонней образованности, занимавшийся риторикой, поэзией, философией, историей и астрономией; приближенный императора Андроника II, ставший фактически вторым человеком в государстве в годы правления последнего и разделивший участь своего императора после его свержения. В настоящее время Метохит известен прежде всего как деятель палеологовского Возрождения и автор «Памятных и примечательных заметок» - собрания из 120 небольших рассуждений на различные темы. Среди его сочинений также несколько поэм и речей на различные темы, комментарии к сочинениям Аристотеля и сочинения по астрономии.

Помимо этого, Феодор Метохит оставил свой след в истории в качестве ктитора монастыря Хоры в Константинополе, фрески которого, написанные по заказу Метохита, сохранились до наших дней и в настоящее время являются одним из важнейших свидетельств палеологовского Возрождения в искусстве. Детищем Метохита стала библиотека монастыря Хоры, на тот момент - одна из лучших в Константинополе.

Сказанное позволяет заключить, что не только сама деятельность Феодора Метохита, но и его мировоззрение, нашедшее свое выражение в этой деятельности, определенно представляет интерес с точки зрения изучения культуры палеологовского периода.

Одной из основных черт, выделяющих мировоззрение Феодора Метохита среди идей множества других образованных византийцев его времени, является активное использование автором образа судьбы (τύχη) при изложении своих взглядов, редко находившего столь яркое выражение в византийской литературе и философии. Целью данного исследования будет выяснить, чем обусловлено появление этого образа в творчестве Феодора Метохита и какие функции он выполняет. Также немаловажным представляется ответить на вопрос, выражает ли Метохит с помощью этого образа некую новую идею, не встречающуюся ранее в трудах образованных византийцев. В этом нам помогут «Памятные и примечательные заметки» Метохита, написанные им уже после завершения его блистательной карьеры и (как было доказано еще Г.-Г. Беком) заслуживающие доверия в качестве источника, отражающего собственные взгляды автора. В отличие от остальных произведений Феодора Метохита, «Заметки» практически не связаны какими-либо канонами и законами жанра. Кроме того, в «Заметках» мысль о непостоянстве всего сущего, связанная в творчестве Метохита с образом судьбы, находит наиболее полное выражение. Действительно, даже элементарный подсчет позволяет заметить, что эта тема занимает важное место в размышлениях Метохита: в «Памятных и примечательных заметках» из 120 глав 16 полностью посвящены размышлениям об изменениях в жизни, их причинах и последствиях. Кроме того, еще по меньшей мере в 17 главах автор вновь обращается к этой теме с целью объяснить и обосновать те или иные происшествия, изменения или особенности человеческой природы.

Начиная разговор о мировоззрении Феодора Метохита, следует отметить, что в историографии сложилось устойчивое представление о его пессимизме, корни которого исследователи находят в печальных обстоятельствах собственной жизни Метохита и политической обстановке в Византийской империи в первой половине XIV века. Среди исследователей Метохит заслужил прочную репутацию «ипохондрика» [5, Р. 68]. И.П. Медведев счел возможным провести своеобразную аналогию между его взглядами и философией экзистенциализма [2, с. 133].

Особенно Метохит заостряет внимание на переменах в жизни от лучшего к худшему,

хотя не исключает и возможности изменений в противоположную сторону. «Заметки» полны стенаний и сожалений о непредсказуемых изменениях: «Увы и ах, о жизнь», - пишет Метохит, - «ты полна всяческого зла, порождаешь зло, ты - театр зла и всяческого непостоянства; как будто здесь ничего для нас - ни зла, ни добра - невозможно постоянного, прочного и соответствующего ожиданиям» [8, Р. 177]. Развивая эту мысль, Метохит прибегает к многочисленным аллегориям, уподобляя жизнь то морю [8, Р. 796-797], то плаванию на корабле, ход которого никогда невозможно предсказать заранее [8, Р. 179, 302, 414 и т. д.], то игре в кости [8, Р. 187], то музыкальному произведению, в котором самым непредсказуемым образом переплетаются различные тональности [8, Р. 795].

Но самое яркое из всех сравнений, наиболее развернуто представленное Метохитом на страницах его «Памятных и примечательных заметок» - это сравнение жизни со «всемирным театром» (*παγκόσμιον θέατρον, κοινὸν θέατρον, βιωτικὸν θέατρον*), где все люди – актеры, а основное действие разворачивается благодаря судьбе – Тихи (*Τύχη*), которая ведет себя с людьми «подобно коварному и лукавому попугачику, который тогда и в тех местах, где весьма необходимы союзники, соучастники, сила и взаимовыручка, словно бы уходит в пустоту и тайком обращается в бегство, вопреки всем расчетам того, кто полагается на него и его помощь в заранее определенном деле и предприятии» [8, Р. 794]. Основные качества, присущие Тихи, – непредсказуемость, изменчивость и зависть к великим начинаниям, - наполняют жизнь людей неожиданными поворотами. Иногда поведение Тихи можно понять и обосновать, но чаще всего оно идет вразрез со справедливостью и всяким здравым рассуждением [8, Р. 187].

Объектом воздействия Тихи является каждый человек, будь то историческая личность (наиболее яркие из примеров - Алкивиад, Деметрий Полиоркет, Эвмен и др.) или современники Метохита, начиная от императора Андроника II, и заканчивая всеми людьми вообще, не исключая и самого автора «Заметок». Соответственно, и целые государства оказываются подвластны Тихи. Здесь автор вспоминает о греческих полисах, Македонском государстве, Риме, Карфагене; а также - что ново для палеологовской эпохи – о самой Византийской империи, которая не является исключением из общего закона рождения и смерти [8, Р. 231-232]. В сущности, вся мировая история для Метохита – лишь «играрище судьбы», представление на сцене мирового театра. Руководителем хора является время (*ὁ χρόνος χορηγός*) [8, Р. 187, 752, 753 и др.], которое предлагает людям различные произведения и роли – то одни, то другие, согласно распоряжению свыше [8, Р. 187-188]. Роли уже распределены, жалобы бесполезны, и единственное, что остается людям – принимать участие в постановке.

Следует заметить, что, пространно повествуя о характере и действиях Тихи, Метохит

далек от ее сакрализации, хотя этот персонаж и восходит к религии древних греков. Для Метохита Тихи – явление не божественного, но вполне земного порядка, а ее образ – прежде всего выразительная метафора для более наглядного обозначения постоянного движения, происходящего в мире. Итак, если не в кознях своевольного божества, то где же коренится причина этого движения?

В первую очередь Метохит находит ее в свойствах самой материи, из которой состоит видимый мир и тело человека. Основным из этих свойств является изменчивость. Среди наиболее ярких примеров – река (здесь Метохит приводит развернутые рассуждения в духе Гераклита), а также человеческое тело [8, Р. 570-572]. Эти свойства передаются и всему, что связано с материей, будь то естественные науки (вследствие чего, по мнению Метохита, неизбежны разногласия между людьми, занимающимися ими) [8, Р. 163-167] или обстоятельства человеческой жизни, которые «постоянно текут и изменяются, и поворачиваются то так, то иначе» [8, Р. 572-573].

Согласно рассуждению Метохита, от этого непостоянства несвободен даже и ум человека – ведь предметы, с которыми ему приходится иметь дело, изменчивы и, дабы не грешить против истины, он вынужден время от времени менять свое мнение [8, Р. 197]. Затем, - и это более существенно - человеческий ум в силу своей неразрывной связи с телом также в значительной мере подвержен влиянию материи. Этим обстоятельством Метохит объясняет так часто встречающиеся действия людей вопреки здравому смыслу и собственным рассуждениям [8, Р. 196-197]. Таким образом, даже самый совершенный человек не может быть свободен от изменчивости и непредсказуемости этого мира, что, по мнению Метохита, делает человеческую участь достойной скорби.

Появление судьбы-Тихи в его творчестве не случайно: до него упоминания этого персонажа неоднократно встречались в сочинениях образованных византийцев. В исторических сочинениях она нередко выступала в качестве силы, противостоящей божественному промыслу и губящей благие намерения героев повествования [например, 1, с. 81, 116 и др.; 4, с. 232]. И. П. Медведев метко назвал ее своего рода «козлом отпущения», вступающим в действие в тех случаях, когда невозможно было ругать Бога и Его провидение за постигающие неудачи [2, с. 129]. Вполне объяснимым представляется то обстоятельство, что частота обращения византийских писателей к образу Тихи возрастала в неблагоприятные для государства и богатые переменами периоды, и особенно – в последние века существования Византийской империи, когда ее крах стал восприниматься частью образованной элиты как вполне вероятный исход происходящего.

В отличие от сочинений предшественников Метохита, в «Памятных и примечательных заметках» Тихи ничуть не походит на оборот речи, скрывающий досаду

автора на божественный промысел. У него этот вспомогательный персонаж вырастает в полноценное действующее лицо драмы, разворачивающейся на сцене всемирного театра.

Г.-Г. Бек считал, что картина мира, в котором правит Тихи, явилась результатом скрытой конфронтации Метохита с христианством, возможно, даже не вполне осознанной им самим. Он отметил, что по количеству упоминаний в тексте «Заметок» Тихи опередила даже такое ключевое для византийцев явление как божественный промысел. По мнению Бека, размах, с которым Метохит повествует о деяниях Тихи, свидетельствует о том, что этот образ – больше, чем просто метафора: «главы о судьбе сливаются во всеохватывающий плач («θρήνος») об участи человечества» [6, Р. 103].

И. П. Медведев видит в концепции «всемирного театра» еще одну попытку установить границу между детерминизмом и свободой воли человека – как известно, в византийском православии эта граница всегда оставалась довольно размытой. Причем эта попытка, опять же, выводит идеи Метохита за пределы православного богословия [2, с. 127-130].

На наш взгляд, столь интенсивное использование Метохитом образа Тихи может иметь иные причины. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что в описаниях Метохита Тихи выглядит более реальной, чем события, на которые она оказала влияние, очерченные лишь схематично. Это приводит нас к мысли о том, что целью Метохита в данном случае являлось не описание исторических событий (которые были хорошо известны задолго до него), а сама Тихи как воплощение основного закона, которому подчинено все, что принадлежит материальному миру. Это заключение позволяет нам констатировать жанровое отличие византийских исторических произведений (где мы по большей части встречаем упоминания о действии в мире Тихи-судьбы) от рассматриваемых глав «Памятных и примечательных заметок». Это отличие имеет значение: учеными давно доказано, что соответствие канонам того или иного жанра имело огромное значение для византийских писателей, вплоть до того, что даже один и тот же автор мог демонстрировать абсолютно различные взгляды в произведениях разных жанров [3, с. 370]. Следовательно, если мы хотим быть объективными, сопоставление «Памятных и примечательных заметок» с византийскими историческими произведениями, по которым мы можем судить о восприятии византийцами феномена судьбы, следует проводить очень осторожно, учитывая их жанровое различие.

Далее, следует обратить внимание на то, что пространные описания поведения Тихи и непрочности всего в человеческой жизни появляются в «Памятных и примечательных заметках» не случайно – за ними всякий раз следуют размышления и практические рекомендации Метохита касательно более или менее успешного преодоления описанного порядка вещей. Это нетрудно увидеть, если рассматривать текст «Заметок» как цельное

произведение. Однако, насколько нам известно, вплоть до недавнего времени среди ученых было принято считать их собранием разрозненных глав, в силу чего творческий замысел Метохита оставался наполовину скрытым от исследователей. Лишь в 2002 году шведский ученый Б. Байден, проанализировав композицию «Заметок», сделал вывод о том, что и замысловатая композиция этого произведения, и расположение глав не случайны и являются результатом серьезных размышлений автора [7, Р. 261-263]. Соответственно, чтобы уловить замысел Метохита, следует при анализе учитывать место каждой из глав о судьбе в тексте произведения.

Первой в этой группе идет 27 глава под названием «Сетования о человеческой жизни». Нам становится известно, что изменчивость мира достаточно болезненно сказывается на жизни большинства людей, а также о том, что методы борьбы с ней доступны людям, но лишь немногие способны по-настоящему услышать и применить то, что о них говорится. Таким образом автор заявляет и обосновывает тему. 28 глава раскрывает этот тезис более конкретно, на примерах – в том числе и собственной жизни Метохита. Судя по всему, к собственному примеру Метохит обратился, не столько используя возможность пожаловаться на свою участь, сколько для того, чтобы повысить свой авторитет в глазах читателя, показав, что не понаслышке знаком с предметом, о котором рассуждает. Убедившись в компетентности автора, мы оказываемся перед 29 главой, которая открывает следующий, более глубокий уровень непостоянства всего сущего – на этот раз уже внутри человеческого сознания. Здесь же объясняются причины этого явления. 30 глава заключает, что, поскольку изменчивость буквально пронизывает все в мире, человек не может знать, что является лучшим, в том числе и для него самого. За этим следует исследование человеческой природы и надлежащего поведения в разных ситуациях (гл. 31-111), дважды прерываемое назидательными отступлениями о римской истории (37-40; 92-110 и о политике (77-84). Таким образом, Метохит претендует на то, чтобы дать людям некоторые неизменные нравственные ориентиры для жизни в постоянно меняющемся мире. И, наконец, завершающие главы «Гномических заметок» подводят итог, снова повествуя о превратностях судьбы, на этот раз изображаемых на более широком историческом фоне и перемежающихся инструкциями для людей, желающих преодолеть описываемый порядок вещей. Последняя из них носит название «*О том, что многие из людей знают, как правильно распорядиться своей жизнью, с примерами*», которое выглядит достаточно оптимистично в качестве финального напутствия для читателя.

Таким образом, на наш взгляд, Метохит вводит Тихи в повествование, прежде всего, ради более эффектного риторического оформления своих идей касательно поведения человека в изменчивом мире. Следовательно, по жанру эта часть «Памятных и

примечательных заметок» ближе всего стоит к этико-философскому трактату. При этом нельзя отрицать, что метафора увлекает Метохита, близка ему. Прежде всего, не дает в этом усомниться стиль, в котором написаны главы, посвященные Тихи, - живые, полные восклицаний, монотонных причитаний, риторических вопросов... Представляется немаловажным и тот факт, что Метохит привел более чем достаточно примеров для обоснования своих мыслей. Он возвращается к ним снова и снова, с одной стороны, держа читателя в напряжении, не давая ему забыть об истинной сущности тварного мира, а с другой – выплескивая на бумагу собственные наблюдения и чувства – не даром одним из примеров стала его собственная судьба.

При этом трудно разделить приведенный выше тезис о конфронтации идей Феодора Метохита с идеями византийских богословов. Как мы знаем, мысль о непрестанном движении, присущем материальному миру (в противоположность Богу-Творцу, Который один пребывает неизменным) является своего рода «общим местом» византийской христианской философии. Не вполне характерной для нее является лишь персонификация этой изменчивости в образе античного божества. Однако, как было выяснено ранее, Тихи – только метафора, используемая автором для более яркой подачи своих идей. Поэтому в случае Метохита она интегрируется в христианскую концепцию мироздания, не разрушая ее, и едва ли может рассматриваться как явление, противостоящее христианской концепции мира.

Итак, исследование образа судьбы в мировоззрении Феодора Метохита привело нас к заключению о том, что его появление явилось результатом не только тяжелых обстоятельств жизни Византии в XIV веке и лично Феодора Метохита, но и его желания более наглядно оформить и обосновать свои идеи, касающиеся самовоспитания человека. Тихи-судьба выступает в «Заметках» в первую очередь в качестве метафоры, персонификации изменчивости материального мира, ощущением которой буквально пронизано его представление о жизни. Контекст, в котором появляется этот образ, не позволяет говорить о противостоянии идей Метохита мировоззрению, утвердившемуся в рамках византийского православия – они представляют собой скорее художественную интерпретацию одного из аспектов этого мировоззрения с помощью привлечения образа судьбы из языческой мифологии и этических концепций стоиков. При этом стоит заметить, что в Византии до Метохита этот аспект никогда не рассматривался столь подробно. Это может говорить о том, что мы имеем дело с серьезным мировоззренческим сдвигом в византийской культуре XIV в.

Список литературы

1. Комнина Анна. Алексиада. Пер. с греч. Я. Н. Любарского. М., 1965. 686 с.
2. Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV – XV вв. СПб., 1997. 341 с.
3. Поляковская М. А. Византия. Византийцы. Византинисты. Екатеринбург, 2003. 432 с.
4. Хониат Никита. Речь, составленная к прочтению перед киром Феодором Ласкарем, властвующим над восточными ромейскими городами, когда латиняне владели Константинополем, Иоанн Мизийский же со скифами предпринимал набеги на западные ромейские земли. Пер. П. И. Жаворонкова. // Византийские очерки. М., 1991. С. 216 - 238.
5. Beck H.-G. Die Byzantiner und ihr Jenseits. Zur Entstehungsgeschichte einer Mentalität. München, 1979. 71 P.
6. Beck H. - G. Theodoros Metochites. Die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952. - 146 P.
7. Bydén B. The nature and purpose of the Semeioseis gnomikai: the antithesis of philosophy and rhetoric. // Hult K., Bydén B. Theodore Metochites on Ancient Authors and Philosophy: Semeioseis gnomikai 1–26 & 71. Göteborg, 2002. – P. 245-288.
8. Theodori Metochitae Miscellanea philosophica et historica. / ed. Chr. G. Müller, Th. Kiessling. Lipsiae 1821. – 838 P.

Рецензенты:

Пиков Г.Г., д.культурологии, доцент, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», г. Новосибирск.

Эрлих В.А., д.и.н., доцент, заведующий кафедрой истории, политологии и культурологии, ФГОУ ВПО «Новосибирский государственный аграрный университет», г. Новосибирск.